

Летов О.В.

**РОССИЯ И ЗАПАД:
ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ¹**

*Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Москва, Россия, mramor59@mail.ru*

Аннотация. В статье поднимается проблема поиска национальной идентичности, рассматривается амбивалентность отношений между Россией и Западом, исследуется «образ Запада» в российском искусстве.

Ключевые слова: Россия; идентичность; интеграционная дилемма; духовность; образ Запада; философия истории; мораль и право.

Поступила: 15.05.2020

Принята к печати: 17.06.2020

Letov O.V.

Russia and the West: civilisation prospects²

*Institute of scientific information for social sciences of
Russian academy of science, Moscow, Russia, mramor59@mail.ru*

Abstract. The article raises the problem of searching for a national identity. It considers the ambivalence of relations between Russia and the West and examines the «image of the West» in Russian art.

Keywords: Russia; identity; integration dilemma; spirituality; the image of the West; philosophy of history; moral and law.

Received: 15.05.2020

Accepted: 17.06.2020

¹ © Летов О.В., 2020

² © Letov O.V., 2020

В 1990-х годах, после крушения СССР, перед Россией вновь встает дилемма: в каком направлении развиваться – на Восток или на Запад? К этому периоду мыслители на Западе пришли к выводу о наступлении «нового мирового порядка», который ознаменовал собой окончание гегелевского понимания истории как борьбы идей. Прежде чем принять Россию в семью государств, развивающихся в русле западной демократии, руководители США и Европы должны ответить на вопрос: «Что собой представляет Россия?»

Известен афоризм Алексиса де Токвиля о том, что революции оказываются на деле менее революционны, чем это представлялось на первый взгляд. Если Великая французская революция черпала свои идеи внутри общества, то практически все русские революции опирались на концепции извне. Как российский феномен эти идеи не имели под собой почвы, смысла и, следовательно, шансов на выживание. Как и герои романа О. Хаксли «О дивный новый мир», лидеры российской революции 1917 года пытались решить накопившиеся проблемы в модернистском («фордистском») ключе. Фордизм суть достижение людьми счастья с помощью машин. Однако в итоге оказывается, что люди становятся порабощены этими машинами. В этой ситуации герой романа Хаксли обращается к самоубийству, в то время как российские (советские) руководители считали, что стране ничто не угрожает, поскольку Россия развивается по собственному («незападному») пути. Таким образом, историческую траекторию России можно сравнить с показаниями осциллографа – колебаниями между западным и антизападным векторами развития. Согласно замечанию Ю. Лотмана, «в России наиболее радикальные перемены на деле лишь укрепляют имеющиеся социальные традиции» [Каеmрf]. В процессе поиска национальной идентичности россияне стремятся отделить русское «я» от западного «другого». Иными словами, обсуждая Запад, россияне тем самым пытаются идентифицировать самих себя. С точки зрения Г. Зиммеля, незнакомец может выступать как часть коллектива в том смысле, что он служит тем неясным характером, по отношению к которому группа способна идентифицировать саму себя [Каеmрf]. Таким образом, незнакомец – это элемент группы, членство которого предполагает быть вне ее и противостоять ей. Согласно И. Берлину, если общество демонстрирует те или иные исторические модели на протяжении более 200 лет, то не

исключено, что эти же модели проявятся в том или ином виде в будущем [Каеmрf].

Традиционно российская культура представляла собой поле для противостояния сторонников и противников западного пути развития. Между ними компромисс оказывался труднодостижимым. В зависимости от той или иной точки зрения представители России рассматривались как ученики, партнеры или носители «подлинного гуманизма». И те и другие считали, что России предстоит скачок из «периода детства» в «период зрелости», минуя переходный этап развития. Важную роль в дискуссиях сторонников и противников «западничества» играло различие, существующее между российской этикой православия и западной этикой протестантизма. Это различие, в частности, выражалось в различном понимании «правильного образа жизни».

С. Кэмпф выделяет три периода реформ в России. Первый период начала XVIII в. связан с периодом «ученичества», когда Петр Великий стремился «прорубить окно в Европу». Второй период, февральская и октябрьская революции 1917 г., представляется как попытка применить идеи западного «модернизма» на русской почве. Однако когда в СССР была провозглашена идея возможности построения нового общества в отдельно взятой стране, идеи прогресса превратились в риторические приемы и внешняя политика Советской России во многом продолжила прежние имперские традиции. Третий, постсоветский, период начинается с 1991 г. Если в начале этого периода Россия ориентировалась целиком на идеалы западной демократии и рыночной экономики, то затем, начиная с XXI в., ее руководство обретает авторитарные черты и страна начинает поиск собственного пути развития.

Одной из основных форм обсуждения вопросов о взаимоотношениях представителей России и Запада выступает литература. Как отмечал писатель XIX в. В. Короленко, «моя страна не Россия, моя страна – это русская литература» [Каеmрf]. По мнению литературоведа В. Кипарского, российская повесть без образа европейца столь же редкое явление, как и западноевропейская повесть, включающая в себя образ россиянина. Таким образом, вопрос о российской идентичности неразрывно связан с представлениями о Западе. Непрерывные дебаты касались вопроса о том, в какой степени и как быстро западноевропейские ценности, практики и институты могут привиться в России. В решении этого вопроса су-

ственную роль играет различие, проводимое между «вестернизацией» и модернизацией. Модернизация традиционно связывается с такими процессами, как урбанизация, индустриализация и развитие коммуникаций, а также формированием таких политических институтов, как современная армия и национальное государство. Вестернизация добавляет существенный культурный компонент, ведет к распространению личной и социальной свободы, к человеческой активности и творчеству. Иными словами, модернизация и вестернизация – это не синонимы, поскольку первое не включает в себя последнее.

Начиная с XIII–XIV вв., когда монгольское завоевание изолировало Россию от развития западных идей, росло отставание России от Запада. Российское общество на протяжении всей своей истории разрывалось между «западническими» и «антизападническими» тенденциями. Существует предположение, что собственно российские культурные ценности формировались как оппозиция по отношению к процессу «вестернизации»: Россия перестанет быть самой собой, если превратится в часть западного мира. В своей концепции столкновения цивилизаций С. Хантингтон подчеркивает, что двойственный характер развития России лишь подтверждает различие, существующее между «вестернизацией» и модернизацией.

Непростой характер российской истории проявляется в интенсивных периодах развития, сменяемых не менее интенсивными периодами регресса. Многие российские правители ставили перед собой задачу преодолеть разрыв, существующий между Россией и Западом, перепрыгнуть из «периода детства» во «взрослую жизнь» насильственным путем. Под «взрослым периодом» понимается состояние, когда граждане государства осознают ответственность за свою свободу. В итоге в России на протяжении всей истории имели место периоды, когда в обществе, экономике и культуре сосуществовали черты и тенденции, несовместимые друг с другом, принадлежащие к разным этапам цивилизации. Поверхностные итоги вестернизации сталкивались в России с проявлениями оригинальной культуры. Дуализм российской истории тесно связан с положением о том, что вестернизация и модернизация не всегда выступают двумя сторонами одной медали. Российские власти нередко заимствовали те тенденции, которые на Западе еще не успели до конца сформироваться. По свидетельству А. Солженицына,

проблема российских реформаторов заключалась в том, что они не учитывали обстоятельство, согласно которому нельзя трансформировать специфические достижения европейской культуры и цивилизации в отрыве от той психологической атмосферы, в которой они формировались [Каеmрf]. Реформатор – это тот, кто учитывает достижения прошлого. В этом смысле Петр Великий не столько реформатор, сколько революционер. Насильственные по характеру реформы в России нередко сменялись не менее насильственными периодами реакции. Сам процесс реформ нередко оказывался незавершенным, поскольку курс на вестернизацию страны рано или поздно сменялся на противоположный.

Дискуссии о том, обладает ли Россия исключительной самобытностью или безоглядно стремится к западным ценностям, имели место в разные исторические эпохи. По этому поводу шел спор между Белинским и Гоголем, Чаадаевым и Герценом, Сахаровым и Солженицыным. Парадокс заключается в том, что и те, и другие делают акцент на том обстоятельстве, что Россия представляет собой уникальную страну. И те, и другие претендуют на то, чтобы выступать носителями «русской идеи». Для российского общественного сознания характерна «логика противоположностей»: милосердие или справедливость, мораль или закон, святость или политика. Между этими противоположностями трудно найти «нейтральную» почву: субъект должен остановить свой выбор на чем-то одном. Чтобы выйти победителем, участник спора должен во чтобы то ни стало победить соперника, уничтожить его. Общество оказывается как бы «разорванным» на две половины. Разрушение и созидание оказываются в тесном взаимодействии. Стремление к новому может основываться лишь на руинах старого мира. Тенденция уничтожения «другого» трудно сочетается с принятием «другого» как части собственного «Я». Согласно Ф. Ницше, тот, кто живет ради того, чтобы бороться со своим противником, должен быть заинтересован в том, чтобы противник оставался живым.

Следуя «логике противоположностей», трудно найти компромисс между участниками спора. Разрыв между Россией и Западом перестает быть только внешним. Этот разрыв становится неотъемлемой частью российской культуры, своего рода ключом к ответу на вопрос: «Что есть Россия?» Существует точка зрения, согласно которой некоторые русские мыслители и поэты, будучи отчуждены от реальной русской жизни, сформировали некий иде-

альный образ страны, далекий от его реального прототипа. Будучи мысленной конструкцией, плодом воображения, представления о национальной идентичности способны превратиться в верования и чувствования многих людей. Многие представители русской нации живут не столько реальностью, сколько идеями. Центральным моментом этой идеи выступает представление о России. Наряду с этим имеет место тенденция понимания судьбы страны сквозь призму логики противоположностей. Только в том случае, когда существует некая система ценностей, которая предшествует процессу воображения, момент отрицания может превратиться в момент утверждения. Лишь те идеи способны на выживание, которые укореняются в умах широкого круга людей.

Начиная с 1991 г. Россия становится более открытой к Западу, чем в предшествующие исторические периоды XX в. Для россиян все более открываются возможности для ассимиляции западной культуры. У жителей России формируется все более сложный и многогранный «образ Запада». Молодые россияне уже не воспринимают Запад как единое целое, проводя различия между США и разными странами Западной Европы. Сближению российской и западной культур способствовало в конце XX – начале XXI в. то обстоятельство, что в эпоху постмодернизма имеет место кризис «великих сказок», как, например, мечты об американском обществе капиталистического благоденствия или советском коммунистическом строе. Несмотря на процесс социокультурной конвергенции России и Запада, в российских средствах массовой информации и произведениях искусства образ Запада представляется условным и недифференцируемым, скорее воображаемым, чем реальным.

Поиск национальной идентичности в посткоммунистической России охватывает широкий спектр взглядов, истоки которых можно найти в классической литературе XIX в. С одной стороны, представители эмиграции и демократически настроенные писатели выражают симпатии к западным ценностям, пытаются с помощью своих произведений укрепить процесс взаимопонимания между Россией и Западом. С другой стороны, в России имеет место тенденция перехода общественного мнения от симпатии к Западу в начале 1990-х годов к националистическим и антизападным настроениям в конце 1990-х – и в первом десятилетии XXI в. Этот переход обусловлен и социально-политическими предпосылками. М. Горбачёв и Б. Ельцин в начальный период своего правления

призывали к тому, что Россия в ближайшей перспективе присоединится к основному течению мировой цивилизации. Однако в середине 2010-х годов при президенте В. Путине более актуальным становится вопрос о том, следует ли России ориентироваться на Европу или у нее должен быть свой собственный путь развития. Наряду с ростом «традиционалистских», консервативных настроений в России все более формируется представление об опасном влиянии Другого, будь то Запад, Израиль или «лица кавказской национальности». Вместе с тем многие представители российской культуры отнюдь не считают образ Запада как «другого Я» России устаревшим, несмотря на то обстоятельство, что концепция Западной Европы становится все более изменчивой и условной. Во второй половине 2000-х годов правительство В. Путина продолжает проводить независимую внешнюю политику, отказавшись от мессионистской риторики и поддерживая тесные отношения с ведущими государствами Западной Европы, такими, как Франция и Германия. В российской литературе и кинематографе начала XXI в. образ Запада остается амбивалентным, каким он был и в предшествующие исторические эпохи. Это обстоятельство обусловлено влиянием культуры таких разных эпох, как дореволюционная Россия, Советский Союз, постсоветская Россия. Вопреки широкому разнообразию мнений, в поисках российской идентичности Западу отводится значительная роль [Richards].

Во второй половине 2010-х годов российское правительство продолжает проводить независимую внешнюю политику, отказавшись от мессионистской риторики и поддерживая тесные отношения с ведущими государствами Западной Европы, такими, как Франция и Германия. В российской литературе и кинематографе начала XXI в. образ Запада остается амбивалентным, каким он был и в предшествующие исторические эпохи. Это обстоятельство обусловлено влиянием культуры таких разных эпох, как дореволюционная Россия, Советский Союз, постсоветская Россия. Вопреки широкому разнообразию мнений, в поисках российской идентичности Западу отводится значительная роль.

1990-е годы в России нередко сравнивают с эпохой «сухого закона» в США. И хотя во многих отношениях россияне преодолели реалии того времени, такие признаки, как коррупция, пренебрежение к закону и морали, остаются препятствием для дальнейшего движения вперед. Опыт преодоления подобных препятствий в

других странах, в частности в США 1920–1930-х годов, был бы, несомненно, полезен российскому читателю.

В 1930-е годы в США был популярен герой комиксов, гроза преступного мира Дик Трейси. Его девизом были слова: насилие – это золото, когда оно используется в целях борьбы со злом. Прототипом этого героя был не кто иной, как Элиот Несс, обладавший репутацией честного и неподкупного детектива. Он родился в 1903 г. в семье норвежских эмигрантов. В детстве его чаще можно было видеть с книгой в руках, чем играющим с друзьями в мяч. Однако, поступив в Чикагский университет, он серьезно увлекся теннисом и борьбой джиу-джитсу, что несколько не мешало ему преуспевать в учебе. В 1925 г. Несс успешно окончил университет, получив диплом специалиста в области организации бизнеса и политологии.

Когда в 1929 г. к власти пришел президент Г. Гувер, он в качестве первоочередной задачи выдвинул необходимость преодоления коррупции и воспитания у граждан уважения к закону. Самой «горячей точкой» в этом отношении был Чикаго. Именно в этот город был направлен Элиот Несс. Он быстро обрел навыки в поисках нарушителей «сухого закона». Задача Несса осложнялась тем, что, во-первых, среди сотрудников нередко встречались политические назначенцы с небольшим или никаким опытом работы в правоохранительных органах. Во-вторых, значительная часть агентов были «мокрыми», т.е. получали денежные средства от представителей преступного сообщества. В течение короткого промежутка времени Несс собрал особый отряд «неприкасаемых», каждый из которых отличался безупречными нравственными и профессиональными качествами. «Неприкасаемые» означало, прежде всего, то, что эти люди чисты в отношении коррупции. Вместе с тем Несс не был лишен гибкости и нередко сомневался в эффективности проведения политики, противоречащей желаниям многих. Подобная работа требовала не только особых моральных качеств, но также чувства бесстрашия. Достаточно указать на то обстоятельство, что его личный шофер Ф. Бэзил пал жертвой системы организованной преступности.

В результате оперативных действий отряда «неприкасаемых» по закрытию подпольных винокуренных заводов финансовая мощь преступной системы, во главе которой стоял Аль Капоне, была подорвана. Однажды Э. Несс решил продемонстрировать си-

лу представителей закона перед лицом своего противника. Он приказал совершить медленный марш колонны конфискованных у бутлеггеров грузовых машин мимо резиденции Аль Капоне. По свидетельству очевидцев, главарь чикагской мафии при виде этого зрелища поднял два стула и разбил их над столом с криком: «Я убью его. Я убью его своими собственными руками» [Richards, p. 1].

После ареста главаря чикагской мафии Э. Несс был направлен в качестве руководителя группы противодействия нарушителям «сухого закона» в Кливленд, штат Огайо, со следующей характеристикой: неутомимый работник, любимый и уважаемый своими сотрудниками, строгий защитник дисциплины, когда слабость подчиненных препятствует его исследованиям. В любом городе, где процветает коррупция, имеет место, что некоторые чиновники играют в сложные игры с преступным миром. Недобросовестный государственный служащий, скрывающийся за политическим постом, более отвратителен, чем любой уличный преступник или босс мафии. Если деятельность городских чиновников подпадает под программу защиты законодателей, работа полиции становится чрезвычайно трудной, и полицейский, оказавшись между двух огней, решает, что лучше всего увидеть как можно меньше преступлений. По свидетельству самого Несса, он не собирался стоять за подобные вещи в своем отделе. «Либо у нас приличное, законопослушное сообщество, либо у нас его нет. Либо у нас есть достойные, законопослушные полицейские, чтобы показать нам путь, либо мы этого не делаем. Если люди несут с собой следы предыдущих преступлений, они нам не подходят» [Richards, p. 2]. Несс безоговорочно понижал в должности офицеров, которые были заподозрены в коррупции, и начал продвигать тех, чья репутация была безупречной. Новый директор по общественной безопасности начал настаивать на утверждении в должностях тех людей, которые демонстрировали не только компетентность, но и честность. При этом он предупреждал, что вновь назначенные лица будут нести личную ответственность за любые проступки со стороны сотрудников, находящихся под их командованием. Иными словами, серьезные нарушения могут привести к отстранению как причастных к этому полицейских, так и их руководителей. При этом Несс был нередко расстроен нежеланием честных полицейских сообщать о неблагоприятных проступках своих коллег. Он пытался сдержать свое обещание избавить полицейское управление от кор-

рупции на всех уровнях. В итоге ему удалось сформировать здоровое во всех отношениях следственное учреждение. Несс имел привычку регулярно наблюдать за своими сотрудниками в деле: он постоянно выезжал по вызову граждан, активно лично участвовал в проводимых операциях. Несс был весьма удивлен, когда узнал, что младшие офицеры не провели расследование на месте по той причине, что существует некая политика запрета на активные действия со стороны рядовых полицейских без явного согласия их начальства. Всеми силами Несс пытался искоренить подобную порочную, с его точки зрения, практику.

Одной из сильных сторон Элиота Несса как администратора были его тесные отношения с представителями местных СМИ. Он проводил с ними регулярные формальные и неформальные встречи. Несс всегда был готов давать интервью, и журналистам часто предлагалось сопровождать его в тех или иных операциях, не связанных с риском для жизни. Репортеры криминальной хроники в Кливленде были поклонниками молодого агента, наряду с государственными чиновниками и бизнесменами, чьи пути пересекались с деятельностью Несса. Именно эта растущая репутация, наряду с широко известной работой, которую он осуществил в Чикаго, не могла не вызвать симпатию со стороны вновь избранного мэра города Бертон. Неудивительно, что в дальнейшем местная администрация оказывала всестороннюю поддержку группе неутомимых борцов с преступностью во главе с Э. Нессом. Распоряжением мэра он был назначен директором по общественной безопасности г. Кливленда. И то обстоятельство, что Несс был родом не из этих мест, служило лишь в пользу его назначения. По свидетельству репортера, «мэр выбрал Элиота Несса своим директором по безопасности, и в сотрудничестве с местной прессой они заставили многих непослушных граждан уважать законы» [Richards, p. 2]. Мэр Бертон, который поддерживал желание Несса проводить время «в полевых условиях», признал важность позитивного освещения в СМИ деятельности местной полиции. Положительное внимание, направленное лично на Несса, помогло также общему имиджу власти города Кливленда. В итоге в 1939 г. Кливленд получил награду, присуждаемую Советом национальной безопасности, как самый безопасный город. При этом следует учесть то обстоятельство, что до прибытия Несса в Кливленд город имел один из худших показателей безопасности в стране. Ре-

путация полицейского управления и городского правительства улучшилась из-за усилий Э. Несса по снижению коррупции. Во многом этому способствовал его личностный подход к отбору кадров.

Таким образом, как положительный, так и отрицательный опыт Запада может быть полезен для становления российского общества.

Список литературы

- Kaempf S.* Russia: a part of the west or apart from the west? – Mode of access: <http://ire.sagepub.com/content/24/3/313> (first downloaded: 20.06.2020).
- Bagger H.* The study of history in Russia during the post-soviet identity crisis. – Mode of access: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/00806760701758380> (first downloaded: 20.06.2020).
- Richards G.E.* The last boy scout: Eliot Ness' tenure as Cleveland, Ohio's public safety director. – Mode of access: <http://www.ijhssnet.com/> (first download: 05.06.2020).

References

- Kaempf, S.* *Russia: a part of the west or apart from the west?* Retrieved from: <http://ire.sagepub.com/content/24/3/313>
- Bagger, H.* *The study of history in Russia during the post-soviet identity crisis.* Retrieved from: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/00806760701758380>
- Richards, G.E.* *The last boy scout: Eliot Ness' tenure as Cleveland, Ohio's public safety director.* Retrieved from: www.ijhssnet.com